

УДК811.161.1'42:82

**ЭКСПЛИЦИТНЫЕ КОСВЕННЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ КОСВЕННЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
XX-XXI ВВ.: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Н.А. Михальчук

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь,
n-mihalchuk@list.ru*

В статье сопоставляется функционирование в русской прозе XX-XXI вв. эксплицитных косвенных высказываний (косвенных речевых актов) и имплицитных косвенных высказываний (намёков) в различные хронологические периоды. Выявлены факторы, влияющие на увеличение количества имплицитных высказываний в дискурсах персонажей: 1) социальная принадлежность героя; 2) психологический тип персонажа; 3) тема и сюжет произведения. Способствуют актуализации имплицитности в художественном тексте любовные, криминальные сюжеты, а также связанные с идейным противопоставлением персонажей. Для косвенных речевых актов не характерны указанные социально-культурные, тематические и сюжетные ограничения.

Ключевые слова: эксплицитное; имплицитное косвенное высказывание; косвенный речевой акт; намёк; непрямая коммуникация.

Вслед за В.В. Дементьевым мы определяем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [1, с.5]. Лингвист выделяет основные показатели непрямой коммуникации, к которым относит косвенный способ передачи информации, наличие смысловых лакун, непредсказуемость реакций адресата, интенциональность реплик говорящего. Прямая коммуникация, – соответственно, это ситуация отсутствия в содержании высказывания смыслов, которые не содержатся непосредственно в тексте высказывания.

В.В. Дементьев в монографии «Непрямая коммуникация» констатирует: «Такие разнообразнейшие явления, как косвенные речевые акты, эвфемизмы, окказиональные образования, речетворчество и многие другие могут быть рассмотрены как содержательные единицы, единые по своей сущности, однако, по нашему

мнению, их объединяет не языковая, а коммуникативная категория – категория непрямой коммуникации» [1, с. 13].

Значимым критерием дифференциации косвенных речевых актов представляется степень импликации коммуникативных интенций в высказываниях. Лингвисты уже обращали внимание на неоднородность косвенности, которую они трактовали, в одном случае, как эксплицитную, в другом – как имплицитную [2] [3] [4].

Так, высказывания, содержащие прямое указание на действие, к которому побуждается адресат, в данной статье относятся к эксплицитным косвенным, а те, в структуре которых указания на интенцию нет, составляют группу имплицитных косвенных. Данная оппозиция представляется существенной для разграничения в данной статье понятий косвенного речевого акта и намека.

Так, в примерах: «*Не закроешь ли ты окно?*», «*Закрыл бы ты окно*», «*Закроешь окно*» побуждение выражается в форме косвенных речевых актов эксплицитно, так как наблюдается экспликация желаемого для адресанта действия. В то же время в высказывании «*Ой, как дует...*», которое также является косвенным, побудительная интенция (=закрой окно) реализуется имплицитно: она скрывается в пропозиции и не имеет формальных показателей выражения

Применительно к речевому взаимодействию персонажей художественного текста значимым является то, эксплицитно или имплицитно оформлено в речевом отношении косвенно реализуемое намерение, что обуславливает оппозицию «эксплицитных косвенных побуждений» и «имплицитных косвенных побуждений» в данном исследовании.

Количественные данные демонстрируют влияние детерминанта «время написания произведения» на употребительность имплицитных высказываний в диалогах произведений. Увеличение удельного веса имплицитных реализаций побудительных интенций в речевом взаимодействии персонажей наблюдается в течение двух хронологических периодов – в материале 1920-х гг. и материале 1980-1990-х гг. (24, 8% и 23, 3%). Между данными временными отрезками есть немало общего. Их сближает происходящее в данное время радикальное изменение существующего общественно-политического строя государства, которое повлекло за собой коренное изменение прежнего порядка, ценностных ориентиров в социуме, полное преобразование экономики, культуры и других сфер.

К данным количественным показателям приближается и показатель частотности имплицитных косвенных высказываний в «городской прозе» материала 1950-1970-х гг. (средний удельный вес – 21, 3%).

В качестве факторов, влияющих на увеличение количества имплицитных высказываний в дискурсах персонажей, назовем следующие.

1.1. Социальная принадлежность персонажа

Действующее лицо, как правило, является представителем группы интеллигенции. Высокая употребительность намеков отмечена в дискурсах персонажей М. Булгакова, В. Набокова, К. Федина, А. Грина, А. Толстого, В. Тендрякова, Ф. Вигдоровой, В. Маканина, С. Довлатова, И. Сахновского, А. Варламова. С данным детерминантом связан другой – наличие или отсутствие образования. Так, в прозе М. Булгакова имплицитные высказывания являются частотными в дискурсе персонажа, имеющего высокий уровень образования, – врача («Собачье сердце»), в произведениях К. Федина – врача («Санаторий Арктур»), режиссера и актеров («Первые радости», «Необыкновенное лето»), у В. Тендрякова – в речи педагога («Шестьдесят свечей»), у Ф. Вигдоровой – медработника, журналиста («Семейное счастье»),

«Любимая улица»), у С. Довлатова – журналиста и писателя («Компромисс», «Заповедник», «Ремесло»).

1.2 Психологический тип героя

Персонаж является носителем таких личностных черт, как «дистанцирование от Другого», «низкая степень открытости в коммуникации». В то же время сюжет предполагает необходимость коммуникации персонажа, что обуславливает использование им имплицитных речевых реализаций интенций. Прежде всего, это относится к главным героям романов В. Набокова «Защита Лужина» и «Машенька», которые, в соответствии с классификацией К.Ф. Седова, могут быть охарактеризованы как представители «кооперативно-центрированного» типа языковых личностей []. Ср. «– Плохо запирается, – сказал он, не поднимая глаз. – В прекрасный день вы все выроните» <...> «Непременно все высыплется», – сказал Лужин, опять завладев сумкой» (=почините) (В. Набоков «Защита Лужина»). «– Вы вот поете, – сказал Ганин, сдвинув брови, – а мне это мешает спать» (=перестаньте петь) (В. Набоков «Машенька»).

С другой стороны, имплицитур могут соотноситься с повышенной вежливостью героев и их склонностью к кооперации (ср. профессор Преображенский в повести М. Булгакова «Собачье сердце», персонажи Б. Зайцева, А. Грина, А. Толстого).

1.3 Сюжет, тема.

Для произведений с выраженностью имплицитных речевых реализаций интенций характерными являются особые темы и виды сюжетов. Рассмотрим основные из них.

В центре сюжета может быть любовная коллизия. В таких произведениях, как «Хожение по мукам» А. Толстого, «Затмение» В. Тендрякова, «Любимая улица» Ф. Вигдоровой, «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина авторы исследуют и описывают деликатную область человеческих отношений, в которой прямая и эксплицитная косвенная коммуникация могут быть травматичными для говорящего или адресата, в результате чего герои отдают предпочтение имплицитным высказываниям.

Так, в романе А. Толстого «Хожение по мукам» одним из сюжетных ходов является ситуация тайного соперничества сестер в любви, что предопределяет использование высоко зашифрованных директивных речевых реализаций интенций. Ср. «Она вздохнула громко и замолчала. Екатерина Дмитриевна сидела теперь согнувшись, опустив руки на колени. – Бессонов очень дурной человек, – проговорила она, – он страшный человек, Дашенька. <...> Он всю тебя ломает» (=не сближайся с Бессоновым) (А. Толстой «Хожение по мукам»).

В повести «Затмение» В. Тендрякова изображается распад молодой семьи в связи с появлением соперника – особенности сюжета детерминируют употребление имплицитных речевых реализаций интенций. Ср. «На исходе третьего дня Майя позвонила в лабораторию. В ее голосе были непривычные заискивающие интонации: – Павел, папу вызвали в Москву, мама одна. Я бы не хотела, Павел, сейчас оставлять ее. Я сказала ей, что ты задерживаешься еще на три дня» (=не приезжай) (В. Тендряков «Затмение»).

В романе Ф. Вигдоровой «Любимая улица» наблюдается реплика, прагматически близкая к приведенной выше: в ситуации семейного конфликта жена в неявной форме побуждает мужа на время расстаться. Ср. «Улыбнувшись, будто бы не было сказано то, что было только что сказано, она включила радио и, взяв книгу. Села с ногами на диван: – Я устала нынче. И хочу побыть одна» (=уйди).

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина муж намекает сторожу, чтобы он следил за его женой и информировал о ее действиях. Ср. *«Мы опять на кухне, кофе, и Курнеев заводит старую песню: – Мы, Петрович, мужчины, за женщину в ответе... Я молчу. – Если мужчина вдруг заметил грешок за чьей-то женой, не надо, чтобы знали все, ты согласен? Не надо лишней болтовни. Не надо скандала. Спокойно предупредить мужа – это значит помочь семье пережить трудный час». Он ждет. Я молчу»* (=расскажи, что ты знаешь о моей жене).

Сюжет может предполагать развитие криминальной ситуации. В таких произведениях, как «Король, дама, валет» В. Набокова, «Джесси и Моргиана» А. Грина, «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина, «Чемодан» В. Довлатова, «Плаха» Ч. Айтматова, отражается речевое взаимодействие организаторов преступлений, представителей криминальных групп, которые в целях сокрытия информации от третьих лиц оперируют намеками. Примечательно, что все указанные произведения принадлежат к хронологическим отрезкам, в которые отмечается наибольшая концентрация имплицитных высказываний в диалогах персонажей – 1920-е гг. и 1980-1990-е гг. Ср. *«Это было бы так просто, – сказала она Францу, улыбаясь своей чудесной, влажной улыбкой. – Пили бы вместе чай вечером, и вдруг...»* (=давай организуем и совершим убийство) (В. Набоков «Король, дама, валет»). *«– Так как вы богаты, – во всяком случае, деньги сестры перейдут к вам, – мы уверены, что недоразумение будет улажено»* (=заплатите за молчание) (А. Грин «Джесси и Моргиана»).

В центре сюжета может находиться противостояние идейных антагонистов. Чтобы избежать открытого конфликта, персонажи романов М. Булгакова «Собачье сердце», Ч. Айтматова «Плаха» прибегают к использованию речевых импликатур. Ср. *«– Если бы сейчас была дискуссия, – начала женщина, волнуясь и загораясь румянцем, – я бы доказала Петру Александровичу... – Виноват, вы же не сию минуту хотите открыть эту дискуссию? – вежливо спросил Филипп Филиппович»* (=давайте прекратим разговор) (М. Булгаков «Собачье сердце»). *«– Ты, похоже, не дурак, но ведь ты сам полез в капкан. Так что теперь, будь ласка, оплачивай мое высокое доверие не менее высокой ценой. – Что ты имеешь в виду? – Думаю, ты сам догадываешься. – Догадываться – одно, говорить впрямую – другое <...> – Так ты велишь говорить впрямую, – прервал молчание Гришан. – Хорошо...»* (=прими участие в нашей деятельности) (Ч. Айтматов «Плаха»).

Результаты данного исследования показывают, что установленные факторы влияют на использование персонажами косвенных речевых актов в меньшей степени, чем на использование ими директивных намеков.

Так, побудительные косвенные речевые акты активно порождаются в диалогах русской прозы представителями всех социальных групп:

- интеллигенции, ср. *«Потом Леша сказал: – Татьяна Сергеевна, я обещал Кате сегодня сводить ее в кино, на «Первоклассницу». Не составите ли нам компанию?»* (Ф. Вигдорова «Любимая улица»);
- мещан, ср. *«Бабушка не однажды говорила ей тихо: – Варя, ты бы поела чего маленько, а?»* (М. Горький «Детство»);
- крестьян, ср. *«Потом, когда обсохла роса на улице, попросила: «Вынес бы ты меня, Степа, на волю. Уж так-то хочется поглядеть на поля да на солнышко»* (Ф. Абрамов «Сестры и братья»);

• рабочих, ср. «Ты бы сказала ему, что же он так, – полуупрекая, сказал он Зарине. – Машинист отвечать не будет, не положено ходить по путям. Да дело не в этом. К чему так рисковать?» (Ч. Айтматов «Буранный полустанок»).

Отмечается широта тематики произведений, значительный диапазон сюжетов и речевых ситуаций, в рамках которых используются эксплицитные косвенные высказывания. Представление косвенных речевых актов в дискурсах персонажей, в отличие от намеков, детерминировано такими их чертами характера, как деликатность, тактичность, а также обусловлено врожденной склонностью языковой личности к предпочтению не прямой коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 374 с.
2. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 80-87.
3. Иосифова, В.Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / В.Е. Иосифова ; Моск. гос. обл. ун-т – М., 2011. – 33 с.
4. Пospelова, А.Г. Косвенные высказывания / А.Г. Пospelова // Спорные вопросы английской грамматики, отв.ред. В.В. Бурлакова. – СПб., 1988. С.141-153.

EXPLICIT INDIRECT AND IMPLICIT INDIRECT STATEMENTS IN RUSSIAN FICTIONAL PROSE XX-XXI CENTURIES: DIACHRONIC ASPECT

N. A. Mihalchuk

Belarusian State University, Minsk, Belarus, n-mihalchuk@list.ru

The article compares the functioning of explicit indirect statements (indirect speech acts) and implicit indirect statements (hints) in Russian prose of the 20th and 21st centuries in different chronological periods. The factors influencing the increase in the number of implicit statements in the characters' discourses are identified: 1) the social status of the character; 2) the psychological type of the character; 3) the theme and plot of the work. Love stories, crime stories, and stories involving ideological contrasts between characters contribute to the actualization of implicitness in literary texts. These socio-cultural, thematic, and plot restrictions are not characteristic of indirect speech acts.

Keywords: explicit; implicit indirect statement; indirect speech act; hint; indirect communication.